

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-738-746

Эволюция миротворческих операций

*Интервью с АЛЕКСАНДРОМ ИВАНОВИЧЕМ НИКИТИНЫМ,
директором Центра евро-атлантической безопасности
ИМИ МГИМО МИД России, профессором МГИМО МИД России, МГУ и НИУ ВШЭ,
главным научным сотрудником ИМЭМО РАН,
почетным президентом Российской ассоциации политической науки,
заместителем председателя Российского Пагуошского комитета
при Президиуме РАН, членом Научного совета при Совете Безопасности РФ
и Научно-экспертного Совета ОДКБ*

Профессор А.И. Никитин — известный российский ученый-международник, специалист по проблемам международной безопасности, международных конфликтов, миротворческих операций, деятельности международных организаций. А.И. Никитин с 2004 г. является директором Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России. А.И. Никитин закончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру Института США и Канады Академии наук. Защитил кандидатскую диссертацию по истории и докторскую диссертацию по политическим наукам, имеет ученое звание профессора. На протяжении более чем 30 лет научной работы профессор Никитин создал научную школу по исследованиям миротворческих операций ООН и других международных организаций. Является автором более 130 научных работ. Проводимые им и под его руководством исследования на этом направлении непосредственно претворяются в жизнь в рамках деятельности структур Организации Объединенных Наций, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Межпарламентской ассамблеи СНГ. Он выступил основным разработчиком принятого Модельного закона СНГ «Об участии государства в миротворческих операциях» и сыграл ключевую роль в разработке проекта новой Конвенции ООН по регулированию деятельности частных военных и охранных компаний. По завершении пятилетней работы над проектом Конвенции А.И. Никитин официально представлял этот документ на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Профессор А.И. Никитин активно работает в Научном Совете при Совете Безопасности РФ и в Научно-экспертном Совете Организации Договора о коллективной безопасности. Он избран действительным членом Академии политической науки, действительным членом Академии военных наук, представляет МГИМО и Россию в Международной сети исследований миротворческих операций. Награжден орденом СНГ «Содружество», медалью ОДКБ, а также медалью Межпарламентской Ассамблеи СНГ за вклад в разработку трех принятых по его инициативе модельных законов. В своем интервью А.И. Никитин рассказывает о современном состоянии международной миротворческой деятельности,

© Никитин А.И., Буторов А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

актуальных тенденциях и особенностях конфликтов и их влиянии на международные отношения. Профессор Никитин дает оценку участия России в миротворческих операциях в рамках ООН и иных форматах международного сотрудничества.

Ключевые слова: миротворческие операции, международные конфликты, ООН, международные организации, посредничество

Для цитирования: *Никитин А.И.* Эволюция миротворческих операций : интервью с профессором А.И. Никитиным (МГИМО МИД России) / интервью брал А.С. Буторов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2020. Т. 20. № 4. С. 738—746. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-738-746

The Evolution of Peacekeeping Operations

*Interview with ALEXANDER I. NIKITIN,
Dr. of Sc. (Politics), Professor, Director of the MGIMO University Center
for Euro-Atlantic Security of the Institute for International Studies,
President Emeritus of the Russian Political Science Association (RPSA)
and Chairman of the RPSA International Cooperation Council,
Member of the Scientific Council under the Security Council
of the Russian Federation and of the Scientific-Expert Council
of the Collective Security Treaty Organization*

Abstract. Professor Dr. Alexander I. Nikitin is a leading Russian IR scholar, an expert on problems of international security, international conflicts, peacekeeping operations, activities of international organizations. Professor of the Political Sciences Department at MGIMO University, Director of the MGIMO Center for Euro-Atlantic Security of the Institute for International Studies, Director of the Center for Political and International Studies, Professor of the State Management Department of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the Public Policy Department of the Research University — Higher School of Economics, President Emeritus of the Russian Political Science Association (RPSA) and Chairman of the RPSA International Cooperation Council. Subject area: International Security, Peacekeeping, Conflict Resolution, International Relations, NATO Policy and Russia — NATO Relations, International Organizations (UN, OSCE, NATO, CSTO, SCO), Nuclear Policy and Non-Proliferation, Regulation of Private Military and Security Companies, Civil-Military Relations. Born in 1958, graduated from the Department of Philosophy of Moscow State University in 1979. PhD (International Relations) in 1983 and 2000. Research work for 10 years (1979—1989) in the USA and Canada Studies Institute (Senior Research Fellow, Head of Section). From 1989 to the present day Dr. Nikitin has been teaching in the Moscow State Institute of International Relations (from 1996 to the present day — Professor of the Department of Political Sciences). From 2004 to the present day — Director of the Center for Euro-Atlantic Security of the Institute for International Studies at the Moscow State Institute of International Relations. Center specializes in research in the spheres of international security and international relations. In his interview Professor Dr. Alexander I. Nikitin describes the current state of international peacekeeping, current trends and characteristics of conflicts and their impact on international relations. Professor Nikitin assesses Russia's participation in peacekeeping operations within the UN and other formats of international cooperation.

Key words: history of international relations, theory of international relations, system of international relations, Russian scientific schools

For citation: Nikitin, A.I. (2020). The Evolution of Peacekeeping Operations : Interview with Professor Alexander I. Nikitin (MGIMO University). Interviewed by A.S. Butorov. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (4), 738—746. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-738-746

— Александр Иванович, чем, на ваш взгляд, характеризуется современное состояние миротворческой деятельности? Остается ли ООН главной посреднической силой или ее все больше вытесняют в этой роли региональные организации?

В современном мире ежегодно происходит до 35—40 параллельно протекающих конфликтов с использованием военной силы, как международных, так и внутренних, но интернационализированных в результате вмешательства мировых держав и международных организаций. Большинство из них продолжаются годами и десятилетиями. В протекании и урегулировании этих конфликтов участвуют мировые державы, включая Россию, США, крупные страны — члены Евросоюза, а также международные организации. Вмешательство в конфликты, влияние государства на политику ООН и других международных организаций в отношении конфликтов — серьезный внешнеполитический ресурс претендующих на глобальную роль мировых держав, в том числе России. Однако он требует адекватной расстановки приоритетов и умелого взаимодействия с международными организациями и другими государствами, вовлеченными в конфликты.

ООН в последние годы ведет полтора десятка параллельных миротворческих операций и еще два десятка так называемых «политических миссий» в конфликтных регионах. Наряду с операциями собственно силами ООН в последние десятилетия постепенно сложилась практика вмешательства в конфликты со стороны региональных межгосударственных организаций. Среди них — ОБСЕ, Европейский союз, НАТО, СНГ, Африканский союз и другие африканские субрегиональные организации, Организация американских государств (ОАГ).

В прошедшем десятилетии Коллективные миротворческие силы (КМС) были созданы и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая подписала рамочные соглашения с ООН о возможности использования ее миротворческого потенциала в операциях по мандатам ООН.

В 2010—2020 гг. во всех операциях по поддержанию мира и политических миссиях в

конфликтных регионах принимали участие (в разные годы) в среднем от 150 до 250 тыс. военных, полицейских и представителей гражданского персонала в год. Только около половины из них курировал Департамент миротворческих операций ООН. Вторая половина — участники операций региональных организаций и разнотипных политических неооновских миссий (количество которых исчисляется уже десятками в год). Кроме того, периодически осуществляются операции с использованием вооруженных сил со стороны отдельных мировых держав и созданных ими коалиций, причем нередко без мандата ООН или иной международной организации.

Таким образом, масштаб участия региональных межгосударственных организаций и отдельных держав в конфликтном урегулировании по размеру контингентов сопоставим с собственными миротворческими операциями ООН.

— Раньше считалось, что миротворчество — это прежде всего политическое посредничество, помощь в организации переговоров, заключении и реализации мирных соглашений. Однако в последние два десятилетия ООН стала использовать в своих операциях танки и бронетранспортеры, беспилотные «дроны» и разведку, операции ООН в ряде конфликтных регионов стали похожи на настоящие военные действия. Как относиться к такому изменению облика международного миротворчества?

— Такая тенденция ясно проявляется. В определенной мере она служит ответом на сложную и опасную обстановку в регионах проведения операций, на использование сторонами конфликтов все более современных вооружений и агрессивные действия в отношении миротворческих контингентов.

За последние 5 лет специальные подразделения ООН ликвидировали и обезвредили 2,4 млн мин, установленных комбатантами в конфликтных регионах. По данным ООН, только за один год в четырнадцати параллельно проводившихся миротворческих операциях, которые охватывали территории в

7 млн кв. км на разных континентах с населением в 125 млн человек, было зарегистрировано 230 враждебных акций / нападений в отношении миротворцев, в том числе 67 из них — с жертвами. 219 миротворцев ООН получили за год ранения, а еще 40 были убиты. В частности, в операции в Мали было 60 нападений, приведших к ранениям 85 и смерти 24 миротворцев. В Центрально-Африканской Республике 105 нападений и враждебных акций за год привели к ранению 70 и смерти 7 миротворцев. В Демократической Республике Конго (ДРК) 43 нападения завершились ранениями 27 и смертью 8 участников миротворческих контингентов¹. При этом мы говорим о жертвах лишь среди контингентов международных миротворцев, не затрагивая масштабную статистику жертв среди самих участников конфликтов и мирного населения.

В кругах ООН с начала 2000-х гг. преобладает линия на наделение операций все большими силовыми возможностями. Призывы проводить операции ООН «быстрее, раньше, сильнее» (перефразируя олимпийский девиз) содержатся во всех основных обзорных докладах по миротворчеству:

— обзорном докладе по миротворческим операциям 1990-х гг. Комиссии под председательством Л. Брахими [Brahimi 2000];

— докладе Комиссии по проблемам суверенитета и вмешательства «Обязанность защищать» (2001 г.)²;

— докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам 2004 г.³;

¹ Подсчитано автором. Данные Департамента миротворческих операций (ДМО) ООН по приведенным параметрам охватывают период с января 2018 по март 2019 г. (2018—19 Peacekeeper Casualties // United Nations. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2018-19-peacekeeping-casualties-web_0.pdf (accessed: 03.10.2020)).

² The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa, 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 10.10.2020).

³ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам // ООН. 02.12.2004. URL:

— докладе Всемирного саммита ООН 2005 г.⁴;

— докладе Генерального секретаря ООН «Будущее миротворческих операций Организации Объединенных Наций» 2015 г.⁵;

— докладе Независимой группы высокого уровня по операциям в пользу мира «Объединяя наши силы во имя мира: политика, партнерство, люди» 2015 г.⁶;

— докладах Специального комитета ООН по миротворческим операциям 2018 г.⁷ и др.

1990-е гг. открылись мощной силовой операцией коалиции 35 государств по мандату Совета Безопасности (СБ) ООН с целью выдворения Ирака из Кувейта, который тот захватил, совершив, как официально признал СБ ООН, агрессию. Операция «Буря в пустыне» проходила не по категории «миротворческих», а по категории политических миссий ООН в соответствии с принципами Главы VII Устава, то есть представляла собой фактически «войну» мирового сообщества против государства-агрессора.

<https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/59/565> (дата обращения: 03.10.2020).

⁴ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 03.10.2020).

⁵ Будущее миротворческих операций Организации Объединенных Наций: выполнение рекомендаций Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям. Доклад Генерального секретаря о рекомендациях. 02.09.2015 // Департамент миротворческих операций ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2015/682> (дата обращения: 03.10.2020).

⁶ Uniting Our Strengths — Police, Partnerships, People. Report of the High-Level Independent Panel on Peace Operations. Report of the High-Level Independent Panel on United Nations Peace Operations // Providing for Peacekeeping. June 16, 2015. URL: https://peaceoperationsreview.org/wp-content/uploads/2015/08/HIPPO_Report_1_June_2015.pdf (accessed: 03.10.2020).

⁷ Доклад A/72/19 Специального комитета ООН по операциям по поддержанию мира. Основная сессия 2018 года (Нью-Йорк, 12 февраля — 9 марта 2018 года) // Генеральная Ассамблея ООН. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/19> (дата обращения: 03.10.2020).

Примечательно, что одним из итогов вышеуказанной операции стало завершение доктринально-концептуального обоснования особого типа операций с применением вооруженных сил, которые получили собирательное название «операции иные, чем война» (Operations Other Than War — OOTW) в рамках американской традиции операциональной классификации [Никитин 2010].

Советский Союз, который находился на грани распада, политически поддержал операцию, хотя ни войск, ни целевого финансирования не направил.

Серьезными катализаторами пересмотра прежнего осторожного отношения к силовым компонентам операций ООН стали операции в Боснии и Руанде в середине 1990-х гг.

— Какой опыт и какие уроки были извлечены в результате проведения операций с привлечением миротворческих сил ООН в бывшей Югославии и Руанде?

— Следует отметить, что операция ООН UNPROFOR (1992—1995) в бывшей Югославии практически «захлебнулась» и была поспешно свернута, когда силовых возможностей легко вооруженных военных наблюдателей ООН не хватило, чтобы противостоять военному натиску со стороны всех трех конфликтующих в Боснии политических сил, которые использовали всю мощь расколовшейся на противостоящие друг другу отряды бывшей единой югославской армии. Генеральный секретарь ООН вынужден был поспешно просить содействия у Генерального секретаря НАТО, чтобы с помощью контингентов Североатлантического альянса создать прикрытие для вывода миротворцев UNPROFOR из Боснии. Именно тогда был впервые реализован новый сценарий проведения подмандатной операции ООН, который предусматривал делегирование полномочий региональной организации — НАТО. Были задействованы (включены в мандат IFOR/SFOR) меры силового воздействия, перечисленные в Главе VII Устава ООН: морская блокада побережья и портов, создание зоны запрещения полетов над страной, разоружение комбатантов и др.

Ситуация в Руанде в другом отношении стимулировала сдвиг в сторону внедрения

силовых компонентов в операции: ООН не смогла (из-за затянувшихся политических дебатов) предотвратить гибель более миллиона человек в гражданской войне в Руанде, и нерешительность и недостаточная силовая оснащенность контингента ООН стали объектом серьезной критики в мировом масштабе, ведя к закреплению понимания, что операции ООН в сложных условиях массового насилия должны иметь и применять «зубы и когти».

На протяжении 1990—2000-х гг., когда все шире утверждался подход, согласно которому международное сообщество может и должно вмешиваться и восстанавливать мир, «навязывать мир», в том числе силовыми средствами, если разгоревшийся конфликт настолько серьезен, что угрожает международному миру и безопасности [Никитин 2010]. В этот период продолжалось внедрение и усиление силовых компонентов в операциях ООН в Африке, в Азии (Камбоджа), Латинской Америке (Сальвадор, Гаити).

— Александр Иванович, какова российская оценка операций НАТО по мандатам ООН?

— Серьезное столкновение политических позиций мировых держав произошло в 1999 г., когда Россия и Китай заблокировали начало операции по мандату ООН в Союзной Республике Югославия (относительно Косово), а НАТО 11 недель (с марта по июнь 1999 г.) все равно вела жесткие силовые действия (бомбардировки) СРЮ. Однако уже с июня 1999 г. Россия изменила подход и активно (ночной рейд десантников из Боснии в Косово) подключилась к операции, сняв «вето».

Объектами серьезной критики со стороны России именно в связи с формами и целями применения силовых средств стали операции (по мандатам ООН, но при лидирующей роли НАТО или США) в Косово (1999 г.), Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.). Последовавшая вслед за операциями дестабилизация в Ираке и Ливии не прекращается по сей день, приобретя в Ливии характер затяжной гражданской войны. При этом одна из наиболее жестких силовых операций — свержение

режима талибов в Афганистане (2001 г.) и последующие пятнадцатилетние попытки стабилизации афганской ситуации остались в основном за пределами критики со стороны России, прежде всего в силу политической приемлемости для Москвы оттеснения от власти режима движения «Талибан»⁸ и ее заинтересованности в хотя бы частичной стабилизации южных границ стран ОДКБ.

Резкое усиление «силового» характера действий ООН в конфликтных регионах произошло с принятием в 2013 г. резолюции СБ ООН № 2098⁹, разрешившей формирование UN Intervention Brigade (в русских переводах — «бригада оперативного вмешательства» (БОВ), «бригада силового вторжения»). Последствия ее боевого применения в ДРК (причем без согласования в СБ ООН пределов и принципов ее применения) вызвали серьезные политические разногласия в Совете Безопасности.

Спорным остается вопрос, относятся ли к «силовым» мандатам полицейские операции ООН или полицейские компоненты операций ООН в отличие от использования вооруженных (армейских) сил в тех же или смежных операциях. Масштабы задействования вооруженной полиции в операциях ООН постоянно возрастали с конца 1990-х гг. и в настоящее время составляют более 12 000 полицейских в 18 операциях¹⁰.

Усиление силовых элементов в практике деятельности ООН в конфликтных регионах спрячено, как в «матрешке» (или в «тройном коне»), внутри ряда новых моделей, норм и практик ООН, таких как «обязанность защищать» (Responsibility to Protect), «гуманитарная интервенция», «защита гражданского населения всеми доступными средствами», «защита посредством проецирования силы» и др., которые проанализированы в обзорных

работах конфликтологов из Оксфордского, Кембриджского университетов и других ведущих мировых научных центров [United Nations Interventionism... 2007; Mytchell 2014; An Institutional Approach... 2013].

— **Возникает ряд серьезных политических и правовых вопросов, какую позицию должна занимать Российская Федерация в отношении «силовых мандатов» в операциях ООН и вообще силовых инструментов вмешательства в конфликты. Интуитивно кажется, что России следует максимально избегать поддержки силового вмешательства со стороны международного сообщества в дела суверенных государств. Так ли это?**

— Здесь уместна избирательность, вопрос имеет много аспектов, которые следует учесть.

Преимущественно отрицательное отношение Москвы к силовым вмешательствам в дела суверенных государств сформировалось после 2000 г., в то время как в 1990-х гг. отношение было иным. Россия сама провела четыре операции на постсоветском пространстве с масштабным использованием военной силы (более 10 000 российских военных по совокупности в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Таджикистане; в последнем было задействовано 145 танков, 18 боевых вертолетов, более 7 000 российских солдат и офицеров¹¹, что превышало на тот момент масштабы большинства ведущихся операций ООН), а также четыре внутренних (в правовом отношении «полицейских», поскольку на собственной территории) применения вооруженных сил (две чеченские кампании, урегулирование в Дагестане и «разнимание» конфликта Северной Осетии / Ингушетии). Параллельно Россия задействовала в дальнем зарубежье 1 600 военных в операции ООН в Боснии и 3 600 военных (по ротации) в операции в Косово в бывшей Югославии [Nikitin 2020: 65].

Критикуя (после операций в Косово, Ираке и Ливии) сам принцип силового

⁸ Организация запрещена в РФ.

⁹ Резолюция 2098 (2013), принятая Советом Безопасности на его 6943-м заседании 28 марта 2013 года // ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2098\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2098(2013)) (дата обращения: 03.10.2020).

¹⁰ 12,387 Police Deployed in 18 Operations // United Nations. June 2017. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/file/8241/download?token=IjiArabj> (accessed: 01.10.2020).

¹¹ Справка Министерства обороны Российской Федерации. Из личного архива А.И. Никитина.

вмешательства в дела других государств вопреки позиции легитимных властей государства, Москва сама фактически применяла логику «обязанности защищать» (хотя и не в этой формулировке) в мотивировке и объяснении своих действий в операциях 1990-х гг. на постсоветском пространстве, а также в российско-грузинской войне 2008 г. и в современных событиях на востоке Украины.

Силовое вмешательство в ряд конфликтов со стороны США, НАТО и государств Запада, с одной стороны, и вовлечение в иные конфликты со стороны России, а ранее и СНГ — с другой, все дальше расходятся друг с другом и взаимно не признаются «настоящим миротворчеством». Запад не признает легитимным миротворчеством, особенно после введения российских войск в Грузию в августе 2008 г., действия России в 1990-х гг. по мандатам СНГ в Таджикистане и Абхазии, а также по двусторонним соглашениям в Молдавии и Южной Осетии / Грузии. В свою очередь, Россия не признает правомерными действия Запада, и особенно НАТО, в отношении Союзной Республики Югославия в 1999 г. и действия США и Великобритании с союзниками против Ирака без мандата ООН в 2003 г. (до получения мандата СБ ООН).

У России в последнее десятилетие накопились претензии и к ООН, и к Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) относительно использования миротворческого вмешательства в конфликты в политических целях. Мандат на операцию ООН в Ливии, который был сформулирован как «создание воздушной бесполетной зоны в целях защиты мирного населения», привел на практике к поддержке контингентами под знаменами ООН ливийской оппозиции, устранению национального лидера и смене политического режима. Собственно, смена политического режима, которая никогда не фигурировала в мандатах операций, стала результатом операций под флагами ООН также в Афганистане (2001 г.) и в Ираке (2003 г.). Если бы не твердая позиция России, то смена политического режима под флагом ооновской операции могла бы произойти в середине 2010-х гг. в Сирии, однако позиция России

в ООН и начало операции Военно-космических Сил РФ в Сирии на основе межгосударственного соглашения о военной помощи предотвратили такую перспективу.

При этом, как мной отмечалось ранее [Никитин 2018], для утверждения глобального статуса России было бы важным повышение финансового вклада России в общий бюджет ООН и бюджет ее миротворческой деятельности по урегулированию конфликтов, более существенная финансовая поддержка других международных организаций (в том числе ОДКБ, ШОС, ЕАЭС).

— Сохраняется ли сегодня в кругах ООН требование безусловного согласия конфликтующих сторон на вмешательство как условие проведения миротворческих операций?

— Принцип согласия сторон на международное вмешательство по-новому трактуется в кругах ООН на современном этапе. Этот принцип был сформулирован в свое время в отношении конфликтов, в которых обе стороны представляли собой суверенные государства — члены ООН. Невмешательство в дела друг друга традиционно было оборотной стороной самоопределения. И только государственные акторы могли давать или не давать согласие на международное вмешательство со стороны ООН. Имелось в виду, что если уже заключено соглашение о прекращении огня, то ООН поможет поддержать достигнутый мир, проследит за претворением в жизнь мирных соглашений и своим авторитетом и вмешательством заставит отдельных нарушителей (например, отказывающиеся сложить оружие группировки) выполнить условия мирных соглашений.

Однако в современных условиях большинство конфликтов, в которые вмешивается ООН, не являются межгосударственными. Гораздо чаще одна из сторон — легитимные государственные власти, а вторая — негосударственные акторы, сепаратистские группировки, несостоявшиеся государства, партизаны, внутренняя оппозиция и пр. Нередки случаи, когда обе (или несколько) из сторон конфликта, который «разнимает» ООН,

по сути, не государственные власти, а представляют собой политические силы или группировки, претендующие на власть. В таких условиях решающим оказывается наличие или отсутствие согласия на вмешательство ООН со стороны только легитимных государственных властей, на чьей территории происходит конфликт.

Отсутствие согласия негосударственных акторов не должно останавливать развертывание операций ООН, тем более что зачастую не ясно, кто возглавляет подобные группировки и имеет право принимать от их имени решения. У негосударственных сторон конфликта отсутствует и легитимный механизм демократичного принятия решения о согласии или несогласии на вмешательство внешних сил — обычно не ясно, которое из их противоречивых заявлений является официальным или окончательным.

В результате на практике ООН стала заботиться о согласовании своих действий по развертыванию операций только с государственными акторами — легитимными правительствами, если они сохранились в зоне конфликта; наличие же или отсутствие согласия негосударственных акторов в конфликтах может дополнительно учитываться, но не является решающим.

— Александр Иванович, Организация Договора о коллективной безопасности сформировала Коллективные миротворческие силы, которые пока не были задействованы на практике помимо учений, хотя на территории стран ОДКБ произошел ряд конфликтов (внутренние конфликты в Киргизии, Белоруссии, участие Армении в обострившемся конфликте вокруг Карабаха и др.). Как с точки зрения российских интересов можно оценить перспективы подключения ОДКБ к международному миротворчеству?

— Необходимо взвешенная позиция относительно эволюции ОДКБ в направлении подключения к международному миротворчеству. В этом есть плюсы и минусы, и их

необходимо оценить. Формирование в прошедшем десятилетии Коллективных миротворческих сил ОДКБ и развитие диалога ОДКБ с ООН создают новые возможности для развития российской роли и влияния в региональном и глобальном масштабе. Однако, как мной было отмечено ранее [Никитин 2017], ОДКБ, которая периодически становится объектом критики зарубежных партнеров за пассивность, заинтересована в подключении к реальным операциям.

Перспективно инициирование Россией как членом СБ ООН формулирования мандата СБ ООН для ОДКБ на стабилизацию ситуации на афгано-таджикской границе и к северу от нее при соотношении параметров этого мандата с уже существующими резолюциями, закрепляющими за ООН координацию действий международной коалиции к югу от этой границы на афганской территории.

В современных условиях (операция в Сирии, потенциал событий в Восточной Украине, необходимость военной помощи признанным Россией новыми независимыми государствами Южной Осетии и Абхазии, наращивание военного потенциала ОДКБ и др.) Россия заинтересована в создании атмосферы приемлемости применения силовых средств в международной политике для защиты и реализации национальных интересов. В силу этого целесообразно проявлять избирательность и сдержанность в критике силовых мандатов и операций других держав и организаций.

Целесообразно также избирательное признание легитимности операций региональных межгосударственных организаций (по результатам прагматической оценки операций НАТО, ЕС, ОБСЕ, Африканского союза и др.), поскольку Россия строит систему межгосударственных альянсов «незападного типа» (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, Союз Россия — Белоруссия и др.), за которыми полезно закрепить признание функций возможного самостоятельного урегулирования конфликтов в соответствующих регионах, включая случаи применения силовых компонентов и средств.

Интервью провел А.С. Буторов / Interviewed by A.S. Butorov

Поступила в редакцию / Received: 17.10.2020

Библиографический список

- Никитин А.И. Конфликты и миротворческая деятельность: типологизация, методологические аспекты // Вестник МГИМО Университета. 2010. Т. 13. № 4. С. 234—244.
- Никитин А.И. ОДКБ: эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Ежегодник СИПРИ 2016 / отв. ред. А.Г. Арбатов, С.К. Ознобищев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 910—927.
- Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32—46.
- An Institutional Approach to the Responsibility to Protect* / Ed. by G. Ziberi. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI: 10.1017/CBO9781139567664
- Brahimi L. Report of the Panel on United Nations Peace Operations. 2000. URL: <https://www.unv.org/sites/default/files/Report%20of%20the%20Panel%20on%20United%20Nations%20Peace%20Operations%20%28BRAHIMI%20Report%29%20-%20A-55-305.pdf> (accessed: 06.10.2020).
- Mytchell C. *The Nature of Intractable Conflict Resolution in the Twenty-First Century*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014.
- Nikitin A. *International Security: World Order, Conflict Resolution, Arms Control, Counter-Terrorism: Textbook*. Moscow: MGIMO University, 2020.
- United Nations Interventionism, 1991—2004* / Ed. by M. Berdal, S. Economides. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

References

- Berdal, M. & Economides, S. (Eds.). (2007). *United Nations Interventionism, 1991—2004*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brahimi, L. (2000). *Report of the Panel on United Nations Peace Operations*. URL: <https://www.unv.org/sites/default/files/Report%20of%20the%20Panel%20on%20United%20Nations%20Peace%20Operations%20%28BRAHIMI%20Report%29%20-%20A-55-305.pdf> (accessed: 06.10.2020).
- Mytchell, C. (2014). *The Nature of Intractable Conflict Resolution in the Twenty-First Century*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Nikitin, A. (2020). *International Security: World Order, Conflict Resolution, Arms Control, Counter-Terrorism: Textbook*. Moscow: MGIMO University.
- Nikitin, A.I. (2010). Conflicts and Peacekeeping Activities: Typologization, Methodological Aspects. *MGIMO Review of International Relations*, 13 (4), 234—244. (In Russian).
- Nikitin, A.I. (2017). CSTO: The Evolution of Security Functions and Structures. In: Arbatov, A.G. & Oznobishchev, S.K. (Eds.). *SIPRI Yearbook 2016*. Moscow: IMEMO publ. P. 910—927. (In Russian).
- Nikitin, A.I. (2018). Modern World Order, Its Crisis and Prospects. *Journal "Polis". "Political Studies"*, 6, 32—46. (In Russian).
- Ziberi, G. (Eds.). (2013). *An Institutional Approach to the Responsibility to Protect*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139567664